

И. Климов

В поисках субъекта действия

Разговор о субъекте действия – это всегда ответ на вопрос: “С кем имею дело?” Невозможно воспринимать слова и суждения другого только как текст, без соотнесения со “статусом” его автора. Кого представляет тот или иной человек: только себя самого – или же некую диффузную общность, какой-то коллектив? А может, институцию? В любом случае возникают совершенно разные образы действующего/говорящего. Иногда это случайный человек, вроде соседа по купе, который интересен/важен только здесь и сейчас и только как приятный или неприятный попутчик. Иногда это довольно типичный представитель “народа”, либо какой-то социальной группы (студенчества например), или даже мифического сообщества (типичная “блондинка” или типичный “ботаник”), по которому мы можем судить о некоей совокупности “других таких же”. Иногда это лидер либо доверенное лицо группы, обладающий не только авторитетом среди совершенно определенных, реально консолидированных людей, но также и полномочиями принимать решения и заявлять об общих интересах. Если это лидер какого-то общественного движения, партии, он аккумулирует основные характеристики этого движения или партии: ценностные установки, выбранные стратегии успеха, цели деятельности и проч. Характеристики лидера могут многое сказать о возглавляемом им сообществе. А если основой консолидации выступает некое учреждение или институция – наподобие какого-нибудь министерства, корпорации или иной административной единицы, – тогда данный человек в меньшей степени оказыва-

ется интересен как психологически-гносеологическая монада. Он, как правило, выполняет определенную, сложившуюся до него функцию и оказывается интересен в качестве наполнения конкретной ячейки социального пространства, как носитель – более или менее временный – совершенно определенной роли и статуса: “Это кто? – Это Газпром. – А напротив него кто сидит? – А это РУСАЛ”.

В социологическом дискурсе есть целый ряд понятий, “обобщающих имен” участников событийного контекста жизни, призванных *концептуально* обозначать *действителя*. Самое распространенное из них – “актор” (to act); собственно, это и есть действитель. Понятие употребляется для обобщающей характеристики всех деятелей, включенных в некий социальный, политический, экономический процесс. Это могут быть индивиды, не представляющие никого, кроме самих себя, но могут быть и коллективные акторы: институции и формальные организации, индивиды, действующие от имени этих организаций, или сложившееся в некоей ситуации сообщество, группа. Проблема понятия “актор” состоит в том, что оно очень тесно связано с нашими – часто неотрефлексированными и интуитивными – представлениями о том, что можно и что нельзя считать действием. Действие – это всегда *влияние* и *участие* в ситуации или проблеме. То есть это всегда деятельное присутствие. Нет действия – нет актора.

Механизмы превращения в актора отдельного человека и группы, коллектива – разные. При описании превращения индивида в социального

актера используются такие термины, как авторитет, влияние, личностные особенности. Социум, в рамках которого индивид стал актором, описывается как условия, способствующие или препятствующие становлению индивида в качестве социального деятеля. Примеров такого описания множество – начиная от Евангелия и заканчивая произведением А. Солженицына “Бодался теленок с дубом”.

Предмет нашего анализа – становление и функционирование коллективных деятелей. Применительно к ним особенность термина состоит в том, что им, как правило, обозначают *сложившихся* действующих – сформировавшиеся группы, сообщества и, конечно же, учреждения, социальные, политические, экономические институты. Сформированность означает наличие важного ресурса, способного оказывать влияние, – организованности. Слабый – значит не способный к действию.

Другое понятие – “агент” (постараемся избежать ассоциаций с деятельностью секретных служб). Термин также очень тесно связан с пониманием действия. Однако здесь есть несколько важных отличий. Во-первых, обнаруживается явная связь с представлениями о действующем как *проводнике* или *посреднике*, чья деятельность свидетельствует о наличии сформированных намерений, *интенциональности*. Агент – это либо проводник чьей-то воли, либо проводник каких-либо изменений, происходящих в той или иной сфере жизни. Коллективным агентом можно назвать, например, шахтерское движение конца 80-х, ставшее проводником системных новаций, запрос на которые возник в результате кризиса в угольной отрасли в целом – в частности и в России. Во-вторых, этот термин часто употребляется в отношении *коллективных* действующих, которые проявляются как *социальные движения*, возникшие *вне* и *между* существующих организационных и институциональных форм и рамок.

Принципиально другой способ концептуализации действующего принадлежит Ирвингу Гофману. Он показал, что индивиды и группы – “актеры”, они являются исполнителями и заложниками объективированных ролей: когда люди вынуж-

жены сотрудничать, они стремятся *управлять впечатлением* и прибегают к своего рода сценическому поведению, исполняя разные социальные роли. Такая концептуализация позволяет взглянуть на действующего с другой стороны: любое индивидуальное или коллективное действие *нормативно*, оно подчиняется некоему вырабатываемому и усваиваемому людьми распорядку. В процессе социогенеза – становления социальной формы – кристаллизуются ролевые ожидания участников, оформляется система статусов, производятся скрепляющие сообщество нормы, добровольно-принудительные для усвоения и соблюдения.

Описанный подход, с одной стороны, показывает, что может существовать “зазор” между провозглашенными, декларируемыми требованиями или задачами и собственной интенцией, намерением действующего – отрефлексируемым или неосознаваемым; а это, в свою очередь, определяет репертуар контрдействий: через экспликацию “зазора” ослабить позиции другой стороны, или же сыграть “на понижение” идеологического пафоса либо требований, или осуществить “убеждающую конверсию” – убедить в необходимости не того, что сформулировано в виде требований, а того, о чем действующий не думал и не догадывался. Так поступали, например, элиты стран, в которых в конце 60-х годов возникли молодежные движения: протестные акции хиппи становились объектом внимания не полиции, а телевидения. В результате они превращались в свою противоположность: из факта контркультуры в факт массовой культуры.

С другой стороны, оказывается, что “социальная реальность” перестает быть объективной, и по отношению к ней неприменимы критерии истинности: истин оказывается столько же, сколько и практических ситуаций, неизменным элементом которых оказывается “актер”-деятель.

Еще одно понятие и способ концептуализации *действующего* – “субъект”. Питер Штомпка замечает, что с появлением организмической метафоры в социологии (общество – это организм) в смысловой контур этого понятия вошла очень важная мысль: социальная жизнь

не развивается по каким-то трансцендентным законам, лежащим вне людей и вне общества. Жизненную силу и трансформационную динамику сообщают ей сами люди, которые *могут* и *хотят* действовать, раскрывая тем самым скрытый потенциал организма-общества к эволюционированию.

Идея поиска субъекта действия оказалась очень плодотворной. Благодаря многочисленным попыткам концептуализации возникло много важных вопросов, и как ответ на них – множество новых концепций. Но что важнее всего – это понятие проделало большой путь от сингулярности и индивидуальности до коллективности, обладающей свойствами, не сводимыми к простой сумме свойств отдельных индивидов. Так, Томас Гоббс признавал единственного субъекта – суверенного государя, ответственного лишь перед самим собой. Руссо наделял субъектностью “общую волю”, нивелирующую в себе воли отдельных индивидов. Французская революция легитимировала идею народных масс как автономной силы, обладающей способностью к самоотжественному действию, но одновременно способной порождать социальный порядок. Вместе с тем, уже Токвиль и Конт задавались вопросом: как люди *начинают хотеть* действовать, прежде чем станут субъектом действия в реальности? Они открыли особую роль *интеллектуалов* – людей, работающих с миром идей и “объективных социальных законов”: те сообщают обществу образы будущего и представления о способах его достижения.

В марксизме и неомарксизме коллективный субъект действия искался уже не в логике противопоставления “хаотичная масса, обладающая энергией, – интеллектуалы, обладающие знанием”. Здесь решался другой вопрос: как людские массы могут *мочь*, ведь зачастую оказывается, что одного хотения недостаточно для того, чтобы действие осуществилось, а социальные сдвиги иногда совершаются вопреки желаниям и намерениям людей. Марксизм сформулировал идею, согласно которой социальную историю творят субъекты особого типа, который определялся как “класс для себя”. Для социального действия мало, чтобы в обществе просто была мас-

са людей, где каждый желает для себя какого-то другого будущего, чем “поганое” настоящее. Люди должны осознать себя в качестве *особой* социальной группы, занимающей *важное* положение в сложившейся социальной системе, осознать, в чем заключаются *собственные групповые или классовые* интересы, а также понять причины, *препятствующие* реализации желаемого будущего. Таким образом, Маркс обозначил два важных признака коллективного социального субъекта: ингрупповая идентичность и противопоставленность другим группам в контексте борьбы интересов.

В доктрине М. Бакунина присутствует идея “*мнимых субъектов*” (религия, представительская демократия), которые конструируются правящими классами, для того чтобы придать легитимность существующему порядку. Как бы отвечая М. Бакунину, Д. Лукач рассматривает проблему *реального субъекта*, стремящегося к преобразованию мира, а не к его усовершенствованию. “Реальный субъект” занимается социальным творчеством, и в процессе этого творчества он не только познает и развивает себя, одновременно он *формирует условия* для изменения своего положения, а также преодолевает *отчуждение от социо- и культурогенеза*, отказываясь от пассивно-приспособительных стратегий действия. Субъектом социального творчества для Маркса и Лукача был пролетариат, а для Бакунина – “народные массы”, объединенные в вольные общины.

Другое направление социальной мысли – идея *активного меньшинства*. Массы не могут быть единственным источником социального действия, а одним интеллектом и гениальными прозрениями будущего или же законов развития обществ невозможно сформировать у людей представления о необходимых действиях. Нужны *лидеры* и *элиты* – то есть индивиды и группы, не просто одержимые идеей социальных изменений, но предпринимающие практические шаги по реализации своих намерений, не опираясь на поддержку правящего меньшинства и стремясь обеспечить себе в политической борьбе особый социальный ресурс – деятельную коллективную поддержку.

Таким образом, в концепцию коллективного субъекта действия были привнесены еще две важные идеи: идея *политического участия* (действующий субъект преобразует или хотя бы пытается повлиять на политическую систему общества) и идея *совместного действия*, не сводимого к массовому поведению хотя бы потому, что совместность нетождественна одинаковости. В этой связи неудивительно, что понятие “социальный субъект” как теоретический конструкт для анализа социальной динамики стало разрабатываться в 70-е годы XX века в рамках парадигмы *коллективного действия*, появившейся в ситуации студенческих бунтов, движения “новых левых”, а также национально-освободительных движений. Социологи задались целью объяснить, в чем заключается эффективность коллективного действия, почему именно оно способно вызвать серьезные изменения в политике и в обществе в целом – в противовес массовому поведению, которое хоть и распространяется на значимо большее число людей, но редко приводит к преобразованию обществ. Они показали, что реальными субъектами социального (в том числе и политического) действия становятся те общности, которые справляются с задачей *мобилизации ресурсов*, где коллективное участие, солидарная поддержка оказываются одним из базовых условий эффективности и успеха.

Социологический интерес к социальным движениям 60-х в значительной степени изменил методу аналитической работы исследователей. Наиболее ярко это проявилось в размышлениях Аллана Турена о социальном действии. Он обратил внимание на имплицитную односторонность классической социологии, сводившей анализ социального действия к определению позиции агента в системе – главном носителе смысла. По мнению же Турена, любой действующий субъект не только *обусловлен* ситуацией, но и участвует в ее производстве, и степень такого формирующего влияния определяется способностью социального субъекта (да и каждого индивида в отдельности) освободиться от форм, традиций и норм, подталкивающих к *конформному воспроизводству* поведения и потребления, ради реали-

зации принципов самостоятельного определения своей деятельности и заинтересованного, неотчужденного участия в производстве новых культурных моделей. “Общественное движение, включенное в конфликт, является истинным субъектом в том случае, если способно осознать себя и утвердиться скорее в качестве производителя, чем потребителя общественной ситуации. Оно должно поставить последнюю под вопрос, вместо того чтобы только соответствовать ей”. Таким образом, идея *действующего субъекта* приводит Турена к формированию особого взгляда на современность, которая характеризуется растущей способностью коллективных агентов воздействовать *на самих себя*, определять характер собственной жизни в противовес предписаниям и влиянию власти.

Важным дополнением к сказанному является следующее соображение: одним группам людей статус социального субъекта присваивается, а другим в нем отказано. Относительно любой общности, группы, объединения людей мы можем говорить о *субъектности* – подтвержденной ресурсами способности действовать для достижения своих целей, соотносясь при этом с требованиями и намерениями других участников взаимодействия. Сформированная субъектность предполагает, что актер способен *устанавливать правила* в значимой для него системе отношений и заставлять окружающих если не следовать этим правилам, то по крайней мере учитывать их существование при ведении собственных дел, при принятии решений или же при непосредственных контактах с представителями общества. Например, руководство предприятия, где нарушаются права профсоюза или кого-то из его членов, должно учитывать, что профсоюз будет решать возникшие проблемы через суд. На наш взгляд, суверенитет, описываемый через правила, – это одна из базовых характеристик субъектности.

Помимо способности устанавливать правила и по ним организовывать взаимодействие с партнерами и контрагентами, важна собственная способность социального субъекта *следовать* заявленным правилам. Когда говорят, что один участник взаимодействия манипулирует другим,

провоцирует его на какие-то невыгодные для него действия, фактически это означает, что этому второму участнику отказывают в субъектности, в способности самостоятельно определять стратегию своих действий и следовать этой стратегии. Такая ситуация возникает, например, когда профсоюзам предлагают кулуарные переговоры в конфликтной ситуации, в то время как в интересах профсоюза – обсуждение темы на собрании его членов.

Субъектность складывается из некоторого набора характеристик, которые в совокупности представляют собой “профиль”, “социальный характер” того или иного коллективного агента – точно так же, как мы можем описывать, допустим, особенности разных оркестров через указание числа музыкантов, специфику и количество инструментов, соотношение мужчин и женщин, частоту концертов, предпочитаемый репертуар, преобладание дружелюбия или враждебности и т. д. К таким характеристикам могут относиться, например:

- особенности самоидентификации людей, образующих сообщество, осознание того, на чем строится переживаемая общность с другими, “такими же, как и я”;
- внутригрупповая солидарность, понимаемая, например, В. Ядовым как перераспределение ответственности: человек делегирует сообществу долю ответственности за себя, одновременно принимая ответственность за группу, за ее целостность;
- выделенность или диффузность в пределах более широкой социальной общности;
- обладание институционализированным статусом, подтвержденным какими-либо легитимирующими актами или процедурами (свидетельствами, договорами, законами, выборами и т. д.);
- наличие более или менее постоянного состава участников сообщества, а также наличие (или отсутствие) лидера или лидерской группы, берущей на себя инициативу и ответственность за его существование и деятельность;
- согласие относительно целей сообщества и способность данной организационной структуры их реализовывать, наличие воспроизводя-

щихся практик, ритуалов или коллективных актов, подтверждающих статус субъекта;

- наличие партнеров и контрагентов, признающих легитимность данного субъекта, допускающих для себя возможность “иметь с ним дело”.

Стоит подчеркнуть, что отсутствие той или иной характеристики или слабая ее выраженность вовсе не означают отсутствия субъектности у того или иного коллективного агента. Субъектность может строиться вокруг разных базовых характеристик, которые будут обеспечивать его своеобразие. Мы можем оценивать субъектность по степени выраженности перечисленных выше аналитических переменных, а можем оценивать ее применительно к той роли, на которую претендует агент в заданной системе отношений. Если воспринимать субъектность как некоторый “профиль” социальной общности, можно утверждать, что он способен меняться как под влиянием внутренних процессов, так и под влиянием внешних сил или ситуации. Маргарет Арчер справедливо замечает, что деятельность социальных агентов не только способствует структурным и культурным изменениям, но и сама меняется в ходе своего осуществления сообразно изменениям, происходящим в действующем субъекте.

Если мы предполагаем, что существует этап становления субъектности и этап ее полноценного функционирования, значит субъектность также может исчезать. Иногда – в результате естественного хода вещей – например, когда члены сообщества сочли решенными задачи, для которых оно формировалось, либо когда они разочаровались в декларированных целях. Иногда – принудительно, под давлением внешних воздействий: дискредитации сообщества или его лидеров, репрессий, массовых увольнений, формальных реорганизаций.

Здесь важно подчеркнуть, что люди конструируют систему взаимодействия, приписывая статус социального субъекта одним и отказывая в нем другим. Иными словами, субъектность формируется в борьбе за получение и поддержание своего статуса. Там, где субъекты вступают в конкурентные отношения, оппоненты стараются прежде всего поставить под сомнение способность контрагента принимать самостоятельные,

ответственные и компетентные решения, то есть его субъектность.

Изложенные выше соображения о природе субъектности необходимы, чтобы прояснить основные идеи нашей работы.

1. Если мы говорим о коллективных агентах, чья субъектность – это не статус, подкрепленный институциональными признаками (например, в виде иерархической организации, основанной на праве власти), то можно утверждать, что субъектность такого агента динамична. Его статус либо подтверждается перед лицом новых вызовов, либо трансформируется, адаптируясь к новым ситуациям, либо, если не может адаптироваться, вырождается, деградирует.

2. Социальные субъекты не похожи друг на друга по “профилю субъектности”, по тем основаниям, на которых она строится в первую очередь. Субъектность – это набор вариативных характеристик, от которых зависят лицо и судьба этого коллективного агента.

3. С нашей точки зрения, сформированной субъектностью обладают те коллективные агенты, которые способны создавать систему правил, поддерживать ее, делать значимым элементом как внутри группы, так и во взаимодействии с партнерами и контрагентами.

4. Субъектность не может быть описана только посредством формального статуса с соответствующими вмененными правами или должностными обязанностями, функциями. Идентичность и легитимность являются важнейшими атрибутами субъектности.

Понятие социального субъекта оказывается очень важным в аналитическом плане. Оно позволяет избежать однобокости, когда социальные системы описываются без действующих лиц, когда действия агента рассматриваются только как воплощение структурных характеристик и оцениваются позитивно в том случае, если развивают социальную систему в направлении прогресса и рациональности. Свойство человеческих сообществ состоит в том, что они способны порождать и изменять собственные действия, а не адаптироваться к меняющимся условиям гомеостатическим образом. На это указывали многие социологи, изучавшие традицию исследований

социальных движений. Например, Амитай Этциони разрабатывал идею *активного общества* как *респонсивной* системы, в которой общественные объединения и отдельные граждане имеют постоянно обновляемый опыт социальной мобилизации и коллективного действия, а государственные учреждения и институты обладают *организованной*, то есть специальным образом устроенной способностью воспринимать воздействие и отзываться на него. Он показывал, что активные общества последовательнее и эффективнее решают свои проблемы, чем пассивные или *дрейфующие*. Основная характеристика последних – проведение требуемых изменений только тогда, когда в них назревает настоятельная необходимость, и практически всегда – в состоянии угрозы превращения проблемной ситуации в системную, увязанную со множеством других проблем.

Главный вывод, который напрашивается при изучении всех концепций этого рода, состоит в том, что если в обществе нет способных к соперничеству или борьбе субъектов, социальных групп, акторов, динамичность его развития как целостного организма, а также эффективность решения возникающих проблем оказываются крайне низкими. Для того чтобы стать полноценным социальным субъектом, группа должна участвовать в “диалектике контроля” (в терминах Энтони Гидденса) – то есть уметь оказывать влияние на тех партнеров и контрагентов, которые имеют влияние на нее саму. Действительно, органы власти по своей природе призваны осуществлять контроль, управление и принуждение и, безусловно, именно они обладают наибольшими возможностями для реализации этих задач. Соответственно, для участия в “диалектике контроля” социальным субъектам необходимы *несимметричные социальные ресурсы*, и их поиск и актуализация напрямую связаны с мобилизационными и рефлексивными возможностями общества. Если бы “диалектика контроля” не существовало, общества потеряли бы свою трансформационную динамику – ведь структурам жизненно необходимо “питаться действиями” (выражение Маргарет Арчер), которые не только их трансформируют, но главное – оживляют. ■